

СОЦИОЛОГИЯ МОРАЛИ

ФАКТОРЫ ОБЫДЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ МОРАЛЬНОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

Светлана Кареновна Нарьян (snaryan@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Цитирование: Нарьян С.К. (2020) Факторы обыденного восприятия моральной релевантности социальных норм. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(1): 159–197. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.1.6>

Аннотация. Несмотря на то что изучение моральных суждений очень популярно в междисциплинарной науке о морали, почти не существует надежных эмпирических доказательств того, что сценарии, которые обычно используются в экспериментах, отражают собственно моральный домен, а не другие формы нормативности. В связи с этим представляется важным расширить теоретическое понимание разных аспектов морали, а также более обоснованно применять морально релевантные текстовые сценарии в исследованиях. В центре внимания нашей работы оказались факторы, влияющие на обыденное восприятие норм и ситуаций как морально релевантных. Изложены результаты двух экспериментов. В первом эксперименте модель включала три зависимые переменные: воспринимаемая моральную релевантность, нормативность и универсальность. Независимыми переменными были четыре фактора и версия шкалы «большой пятерки» из десяти вопросов. Результаты первого эксперимента показали, что фактор публичности/приватности действия статистически значим при оценке воспринимаемой моральной релевантности, при этом воспринимаемые универсальность и нормативность связаны между собой и для них значим фактор пользы/вреда от поступка. Во втором эксперименте в качестве независимых переменных модель включала оценки моральной релевантности и нормативности, а также воспринимаемой универсальности этих оценок. Независимыми переменными были положенные в основу теории морали Дж. Хайдта «моральные основания» — эволюционно укорененные и преобразуемые в культуре внеличностные структуры, влияющие на моральные интуиции. Кроме того, использовалась оценка по шкале политического консерватизма. В результате было обнаружено, что значения воспринимаемых моральной релевантности и нормативности значительно различаются как по общему среднему, так и по каждому из оснований. Данные результаты обсуждаются с точки зрения их вклада как в эмпирические исследования морали, так и в теоретическое понимание моральных норм в социальных науках.

Ключевые слова: мораль, моральная релевантность, теория моральных оснований, виньетки моральных оснований, социология морали, факторный эксперимент.

Введение

В последние годы наблюдается высокий интерес к исследованиям морали со стороны представителей различных социально-научных дисциплин. Так, для психологии эта проблематика сохраняла свою актуальность со второй половины XX в., при этом основными темами эмпирических исследований и теоретических разработок были моральные суждения, моральное поведение и моральные эмоции (Ellemers et al. 2019). В философии можно говорить о высоком интересе к эмпирическому изучению проблем этики и морали (Lütge, Rusch, Uhl 2014; Alfano 2017) — в центре внимания оказываются моральные суждения, поведение и интуиции, например вопрос восприятия объективности/субъективности моральных норм (Goodwin, Darley 2008). Кроме того, в последнее время появлялось большое количество биологических работ, связанных с традиционно принадлежащими к области социологии темами, включая различные аспекты моральной способности человека (Katz 2000; Casebeer 2005).

Проект новой социологии морали С. Хитлина и С. Вэйзи предлагает «возвращение» в дисциплинарное поле социологии исследований моральных суждений, морального поведения, моральных эмоций и др. (Hitlin, Vaisey 2013). При этом, как отмечает А. В. Быков, доминирование в сфере исследований морали поведенческих наук и недостаточная концептуальная проработка теорий не позволяет пока назвать новую социологию морали устоявшейся областью (Вуков 2019).

Вместе с тем в социологической теории существуют различные подходы к определению относящихся к морали норм и ситуаций, а понятие морали нередко проблематизируется на теоретическом уровне. Проблемой социологического понимания природы моральных норм занимались еще классики социологии, в частности Эмиль Дюркгейм связывал систему морали с особым видом авторитета, который основывается на *долге* и *желательности* (Дюркгейм 2002). Современные исследователи Хитлин и Вэйзи (Hitlin, Vaisey 2013) пишут, что прилагательное «моральный» в академическом контексте употребляется в двух значениях: во-первых, «относящийся к человеческому характеру или поведению, считающемуся хорошим или плохим», во-вторых, «хороший, добродетельный». Некоторые определения морали, предложенные представителями других дисциплин, также стали влиятельными. Так, часто используется определение Э. Туриэля, описавшего моральный домен как «прескриптивные суждения о справедливости, правах, благосостоянии и в отношении того, как люди должны относиться друг к другу» (Turiel 1983: 3). Тем не менее, несмотря на многообразие имеющихся дефиниций в современных социальных

и поведенческих науках, среди теоретиков до сих пор отсутствует консенсус относительно ключевых характеристик моральных норм.

При этом большое количество современных эмпирических исследований морали опираются на использование текстовых сценариев и суждений, предположительно имеющие отношение к морали (см., например, использование предположительно морально релевантных сценариев в опроснике этических позиций (Leelakulthanit et al. 1994); использование шкалы этики в нескольких измерениях — шкала MES (Clark et al. 1996) и др.). Зачастую моральная релевантность используемых сценариев подразумевается само собой разумеющейся и не проверяется. Так, в очень широко используемой шкале моральных оснований авторы относят к морали и утверждение «Я горжусь историей своей страны», и фразу «Нельзя найти оправдания убийству человека» (Graham et al. 2008). В такой ситуации остается неясным, отражают ли современные теории процесса производства «моральных» оценок, основанные на результатах подобных исследований, именно мораль *per se*, а не описывают другие формы нормативности (например, конвенциональные, эстетические нормы и т.д.), не имеющей к строго понимаемой морали прямого отношения. Несмотря на то что многие социологические и психологические теории, а также эмпирические работы показывают, что воспринимаемая моральная релевантность, т.е. восприятие норм и ситуаций как имеющих или не имеющих отношение к домену морали, может являться переменной (Moshman 2005; Van Bavel et al. 2012), вопрос о том, чем определяется обыденное разграничение морально релевантных и морально нерелевантных норм и ситуаций до сих пор остается малоисследованным.

При этом можно говорить о том, что в эмпирических работах нормы и ситуации, как правило, заданы как относящиеся или не относящиеся к морали на уровне теории или самими исследователями имплицитно, однако остается неясным, так ли проводят различие обычные люди. Исходя из этого адекватно использовать теоретическую рамку народной социологии, чтобы рассмотреть восприятие норм и ситуаций как морально релевантных с точки зрения обычных людей, не имеющих специального образования, а вырабатывающих наивные теории, которые могут относиться к различным дисциплинам и областям (Девятко, Абрамов, Катерный 2015). Кроме того, рассмотрение обыденных суждений о морали может быть полезно, поскольку механизмы вынесения таких суждений схожи у обывателей и профессиональных философов, в связи с чем представление об обыденных теориях морали может быть значимо для междисциплинарной науки о морали (Cushman, Young 2009).

Проблема определения моральной релевантности норм и ситуаций является значимой как с теоретической, так и с методологической точки зрения. С точки зрения методологии необходимо отказаться от основанного исключительно на здравом смысле исследователей отнесения текстовых сценариев к области морали. Требуется дальнейшее изучение того, как в используемых стимульных материалах применять морально релевантные ситуации, основывая дизайн исследований на экспериментально проверенных данных или по крайней мере осознавая возможную неоднозначность воспринимаемой моральной релевантности описываемых ситуаций. Кроме того, представляется, что эмпирическое изучение факторов, которые определяют воспринимаемую моральную релевантность — обыденное восприятие норм и ситуаций как имеющих или не имеющих отношение к морали, может способствовать более глубокому пониманию проблемы и производству более обоснованных теоретических схем.

Таким образом, целью исследования было выявить факторы, влияющие на обыденное восприятие моральной релевантности норм и ситуаций, т.е. восприятие их как имеющих отношение к морали. При этом предполагается, что одно и то же действие может регулироваться разными нормативными системами (быть морально допустимым или недопустимым, эстетически привлекательным или непривлекательным и т.д.), однако мы фокусируемся именно на моральной релевантности. Исходя из этого в рамках нашего исследования были проведены два эксперимента, что позволило комплексно рассмотреть факторы воспринимаемой моральной релевантности. В эксперименте 1 мы оценивали влияние таких потенциально важных с точки зрения теорий морали в социальных и поведенческих науках факторов моральной релевантности, как *направленность поступка на одного человека или на коллектив, вред или польза от поступка, принадлежность действующего к ингруппе или аутгруппе*, а также *публичный или приватный характер поступка*. Эксперимент 2 был направлен на проверку воспринимаемой моральной релевантности виньеток моральных оснований (Clifford 2015), которые часто используются в рамках теории моральных оснований Дж. Хайдта, завоевавшей в последние годы широкую междисциплинарную популярность, однако эмпирической проверки моральной релевантности используемых в рамках этого подхода оснований, насколько нам известно, не проводилась. В качестве проверяемых факторов выступали так называемые моральные основания виньеток, а именно *вред, справедливость, свобода, авторитет, лояльность и чистота*.

Статья структурирована следующим образом. Сначала приведен обзор некоторых ключевых концепций морали в социальных и поведенческих

науках: некоторых классических социологических подходов, теории морального развития, народной социологии, экспериментальной метаэтики и теории моральных оснований. Далее представлены данные экспериментов, направленных на выявление факторов обыденного восприятия норм и ситуаций как морально релевантных. В заключении обсуждаются выводы и ограничения работы.

Теории морали в классической социологии: Дюркгейм и Сорокин

Проблемой социологического понимания природы моральных норм занимались классики дисциплины, в частности Эмиль Дюркгейм, во многом заложивший парадигмальные основы социологии. Для Дюркгейма система морали представляет собой регулирующую систему правил поведения (Дюркгейм 2002), а моральные правила отличаются от других правил особым видом авторитета, который основывается на двух чертах: *долг* и *желательность*. Дюркгейм постулирует *общественную природу* моральных норм: «...если мораль существует, то она может иметь целью только *группу*, образованную известным *множеством ассоциированных индивидов, т. е. общество*» (Дюркгейм 2002: 27).

Согласно Дюркгейму, ключевой характеристикой моральной нормы является *не аналитический, а синтетический* характер связи между деянием и санкцией — обязательный характер морального правила (Дюркгейм 2002). Таким образом, моральный акт направлен на группу, значимую для индивида. Восходящее к Дюркгейму представление о прогрупповом характере морали стало крайне важным для всей дальнейшей социологии морали и значимо для социальных наук по сей день (Mattingly, Throop 2018). Исходя из этого представления можно предположить большую воспринимаемую моральную релевантность ситуаций, относящихся к взаимодействию с группой, чем с одним человеком, что в нашем исследовании выражается в факторе «направленность поступка на одного человека/коллектив».

Важной с точки зрения классификации морально релевантных ситуаций и действий является работа Питирима Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» (Сорокин 2006), поскольку в ней изложена одна из первых социологических типологий различных актов с точки зрения морали. В ней Сорокин разделяет все акты с точки зрения вызываемых ими в людях переживаний и способов реагирования.

С его точки зрения, все акты делятся на *дозволенно-должные, рекомендуемые* и *запрещенные*: *должные* акты кажутся нам нормальными, справедливыми и потому морально положительными; *запрещенные* — морально

отрицательными; рекомендуемые — сверхнормально-положительными (Сорокин 2006). При этом *рекомендуемые* акты морально однородны с *дозволенно-должными*, но представляют «сверхнормальную роскошь» (Сорокин 2006: 122).

При этом в соответствии с этой классификацией все акты имеют определенную моральную релевантность, однако «дозволенно-должные» акты менее морально релевантны, чем сверхположительные. Важно, что, по мнению Сорокина, по крайней мере в некоторой степени моральную релевантность акта определяет наличие и характеристики реальной *реакции*. Это позволяет предположить, что в обыденном восприятии моральной релевантности может играть роль факт публичности или приватности поступка, наличие наблюдателя.

Моральное и неморальное в психологических исследованиях: теория стадий морального развития против теории доменов

В области психологии морали многие эмпирические исследования различия доменов морально релевантного и морально нерелевантного опираются на теории морального развития (Jampol et al. 2010). Таким образом, представляется важным рассмотреть эти подходы. Одну из первых значимых теорий этого направления выдвинул психолог Жан Пиаже, объяснявший моральное становление ребенка поступательным стадийным развитием (Пиаже 2006). Его представления разрабатывал американский психолог Лоренц Кольберг. Он характеризовал моральное развитие как набор стадий, в котором универсальные моральные принципы находятся на высшем уровне (Kohlberg et al. 1977). Кольберг считал, что индивидуальная мораль развивается в серии из шести стадий, стадии иерархичны, а индивид может находиться только на одной из них (Kohlberg et al. 1977).

Позднее исследования моральных суждений продолжил работавший с Кольбергом американский психолог Эллиот Туриэль. Изначально он опирался на теорию Кольберга, но позже сделал вывод, что конвенциональные и моральные оценки возникают не всегда последовательно, и поэтому нельзя говорить о моральном развитии как об инвариантной последовательности стадий (Killen 2007).

Некоторые психологические исследования были направлены на эмпирическую проверку теории стадий Кольберга и теории доменов Туриэля. Так, работа Мелани Киллен (Killen 2007) показала, что большинство суждений об исключении детей из группы не различаются в зависимости от возраста, а значимыми факторами стали пол, раса, принадлежность к группе, причина исключения, а также полезность исключения члена группы (Killen 2007: 33–35). Исходя в том числе из этих результатов нами

было выдвинуто предположение, что важными факторами для оценки моральной релевантности действий могут оказаться принадлежность действующего к ингруппе или аутгруппе, а также вред/польза от поступка. Кроме того, существуют исследования, показывающие связь некоторых морально релевантных переменных с личностными характеристиками выносящих суждения (Schulz 2011). Это позволяет предположить, что характеристики личности могут быть связаны с восприятием моральной релевантности.

Ряд аспектов теории доменов Туриэля подвергались критике. Так, по утверждению Говарда Габеннеша, Туриэль и его последователи склонны преувеличивать способность людей распознавать конвенциональность (Gabennesch 1990). Другая важная критика связана с проблематизацией того, что называют «моральным поведением» исследователи (Blasi 2005). Августо Блази утверждает: несмотря на то что дети по-разному отвечают на события, которые Туриэль и коллеги классифицируют как моральные и конвенциональные, остается открытым вопрос, делают ли они это, опираясь на концептуальные представления о морали как таковой. Таким образом, можно говорить о том, что вопрос соотношения моральных и конвенциональных норм остается далеким от прояснения.

Экспериментальная моральная философия: моральная релевантность, нормативность и универсальность

Далее будут рассмотрены некоторые результаты исследований в области экспериментальной моральной философии. Поскольку в исследовательском фокусе таких работ часто оказываются факторы, влияющие на восприятие моральной реальности, можно предположить, что они также связаны с обыденным восприятием моральной релевантности.

Некоторые такие работы посвящены изучению воспринимаемой объективности/субъективности моральных суждений. С обыденной точки зрения они, как правило, воспринимаются как более объективные, чем другие типы суждений (Knobe et al. 2012; Nichols, Folds-Bennett 2004). Работа Гудвина и Дарли (Goodwin, Darley 2012) показала, что воспринимаемая объективность моральных убеждений о негативных поступках выше, чем о позитивных. Исходя из разницы в восприятии объективности негативных и позитивных поступков можно предположить, что действия, направленные на причинение вреда, могут восприниматься как более морально релевантные, чем действия, приносящие пользу. Существование асимметрии в предполагаемом восприятии моральной релевантности полезных и вредных поступков можно также предполагать исходя из эффекта Ноба (Knobe 2003) — приписывания большей интенциональности

действиям, связанным с вредным побочным эффектом, чем действиям, связанным с полезным побочным эффектом. Это соотносится и с распространённым в философии (Gert 1998) и психологии (Schein, Gray 2017) пониманием моральных правил как фундаментально сводимых к запрещению нанесения вреда.

Многие эксперименты в области метаэтики фокусировались на том, как на воспринимаемый моральный объективизм/субъективизм, т.е. восприятие моральных норм как имеющих объективный или субъективных характер, влияли различные переменные, включающие характеристики экспериментальных ситуаций и характеристики людей, такие как возраст или черты личности (Knobe et al. 2012; Nichols, Folds-Bennett 2004; Beebe et al. 2015; Goodwin, Darley 2010). Результаты, связанные со значимостью черт личности, таких как нейротизм или экстраверсия, позволяют предположить, что различные черты могут быть связаны с оценкой воспринимаемой моральной релевантности. Следовательно, в первом эксперименте был использован сокращённый опросник «Большой пятерки».

Теория моральных оснований

Теория моральных оснований — один из наиболее влиятельных в современной психологии морали и за ее пределами подходов. Она релевантна нашему исследованию, поскольку во многом проливает свет на проблематику вариации моральных суждений, исходя из чего можно предположить, что именно «моральные основания» могут быть факторами, связанными с различием воспринимаемой моральной релевантности.

В рамках этой теории предполагается, что мораль связана с так называемыми *моральными основаниями*, которые сами по себе еще не являются сформированной моралью, но содержат элементы моральных порядков (Gibbs 2013: 61). С точки зрения теории моральных оснований в одних группах моральный порядок может быть выстроен на одном моральном основании, в то время как в других опираться на большее их количество.

Основные пять моральных оснований, о которых пишут авторы этого направления, — это *вред/забота*, *справедливость (fairness)/реципрокность*, *ингруппа/преданность*, *авторитет/уважение* и *чистота/непорочность*. При этом, с точки зрения Дж. Хайдта и коллег, список моральных оснований может быть расширен и дополнен (Graham et al. 2013: 67).

С точки зрения Грэхэма и коллег (Graham et al. 2013), *индивидуальные (individualizing)* основания — вред и справедливость — включают моральные ценности, развивавшиеся, чтобы совершенствовать межличностные отношения за счет равноправия и автономии. *Связующие (binding)* основа-

ния — лояльность, авторитет и чистота — включают моральные ценности, повышающие сплоченность в больших группах, поощряя послушание, верность и телесную чистоту. Например, религиозные группы, основываются на принципах ингрупповой лояльности (Graham, Haidt 2010). Напротив, секулярные либеральные западные сообщества связаны с повышенной индивидуализацией (Henrich et al. 2010), а моральные убеждения в светских либеральных сообществах укоренены в индивидуальных моральных основаниях. Исходя из этих предпосылок некоторые авторы предполагают, что индивиды, придерживающиеся связующих моральных оснований, могут судить членов ингруппы строже (Bettache et al. 2019).

Несмотря на то что теория моральных оснований была разработана для анализа культурных различий между обществами, она активно используется для исследований морали групп с различными политическими взглядами. Ключевым в таких исследованиях стало предположение Хайдта и Грэхама (Haidt, Graham 2007: 99) о том, что мораль политических либералов в большей степени основана на первых двух моральных основаниях (забота и справедливость), в то время как мораль политических консерваторов связана со всеми основаниями.

В целом можно сказать, что теория моральных оснований допускает, что «моральность» некоторых ситуаций может выступать как переменная, однако авторы фокусируются скорее на «объеме» морального домена. Они считают, что моральный домен в западных культурах относительно узкий. Его фокус — защита индивидов от вреда и эксплуатации, в то время как в большинстве традиционных обществ «моральный домен шире, он включает такие вопросы как защита групп, институтов, традиций и морального порядка в более широком смысле» (Graham et al. 2013: 75). Авторы считают, что наполнение сферы морального в разных обществах варьируется, однако они не проверяют этого утверждения явным образом эмпирически. Исходя из этого можно предположить, что выявленные в рамках теории моральных оснований феномены могут быть связаны и с другими типами нормативности, а значит, требуют дополнительного экспериментального исследования.

Изначально авторы теории моральных оснований предлагали использовать для измерения концептов большое количество способов (подробнее о предложенных методах измерения моральных оснований см.: Graham et al. 2013: 73–74). В качестве основного метода операционализации моральных интуиций Хайдт, Грэхам и другие предлагали опросник моральных оснований (Moral Foundations Questionnaire — MFQ) — анкету, состоящую из ранжирования моральной релевантности оснований и предположительно имеющих отношение к ним утверждений, с которыми необходимо

выразить согласие или несогласие (Graham et al. 2008). При этом утверждения из второй части опросника необязательно выражают в восприятии респондентов мораль, возможно, они связаны с другими типами нормативности (например, утверждение «Я горжусь историей своей страны»). Что касается ранжирования моральной релевантности, инструкция к вопросу звучит следующим образом: «Когда вы оцениваете чей-то поступок и решаете правильный он или нет, насколько важны для вас следующие соображения?». Сомнительно, что так устанавливается именно моральная релевантность, поскольку «правильным» в восприятии респондента поступок может быть не только с точки зрения морали, но и, например, с точки зрения конвенции или закона.

Позже Клиффорд и коллеги разработали «виньетки моральных оснований» (Clifford et al. 2015), включающие набор предположительно моральных трансгрессий. Предполагается, что каждая виньетка изображает *наблюдаемое* поведение, нарушающее то или иное моральное основание — пять изначальных оснований, а также основание «свобода».

С точки зрения моральной релевантности теория моральных оснований важна, поскольку она предполагает вариацию в индивидуальной и групповой морали, а также обращает внимание на факторы моральных суждений. Можно предположить, что моральные основания влияют на отнесение норм или ситуаций к морально релевантным. В то же время одна из основных проблем теории в том, что ее инструментарий потенциально чувствителен не только к восприятию моральных норм. Таким образом, возможно, большое количество исследователей используют предположительно иррелевантные морали текстовые сценарии. Исходя из этого необходимо прояснение того, какие основания определяют именно моральные нормативные оценки.

Народная социология морали

Все изложенные выше теории приводят классификацию норм и ситуаций *изначально*, они заданы как относящиеся или не относящиеся к морали на уровне теории или, явным или неявным образом, самими исследователями. Критика теорий, описывающих разделение морального или неморального, в основном не опирается на эмпирические данные, а критика эмпирических работ связана, как правило, с внешней заданностью морального или социального домена и невозможностью проверить, так ли проводят разделение доменов обычные люди. Исходя из этого представляется адекватным использовать теоретическую рамку народной социологии, чтобы рассмотреть восприятие норм и ситуаций как морально релевантных или нерелевантных с точки зрения обычных людей, не имею-

щих специального образования и в этом смысле не опирающихся на разработанные в социальных науках аналитические различия.

Ф. Кейл пишет, что все люди, стремясь понять окружающий мир, участвуют в производстве и воспроизводстве так называемой «народной науки» (Keil 2010). Они формируют специфическое понимание, которое называют «интуитивными теориями». Одной из направлений народной науки является «народная» социология (folk sociology). В книге «Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации» (Девятко, Абрамов, Катерный 2015) авторы рассматривают вопрос о типах обыденного знания и приводят их классификацию. Представляется, что с точки зрения нашего исследования обыденное знание о моральной релевантности относится к предметному содержанию социологии.

Теоретическая рамка народной социологии морали уже использовалась для изучения феноменов, связанных с моралью (Mahalingam 2007; Shepard, O'Grady 2017). Метод эксперимента применялся для изучения восприятия дистрибутивной справедливости (Девятко 2011; Калинин, Девятко 2019). Проводились исследования, посвященные изучению восприятия моральной ответственности свидетелей кибербуллинга (Михайлова 2019). Представляется, что использование теоретической рамки народной социологии и связанного с ней экспериментального метода даст возможность расширить представления о том, каковы обыденные представления о вопросах морали.

Экспериментальное исследование факторов восприятия моральной релевантности

Для того чтобы выявить факторы, влияющие на обыденное восприятие моральной релевантности, мы провели два эксперимента. В ходе первого эксперимента оценивалось влияние таких факторов, как *направленность поступка на одного человека/коллектив, вред/польза от поступка, принадлежность действующего к ингруппе/аутгруппе, а также публичный/приватный характер поступка*. Второй эксперимент был направлен на проверку воспринимаемой моральной релевантности виньеток моральных оснований (Clifford et al. 2015), а проверяемыми факторами были моральные основания, к которым принадлежат виньетки, а именно *вред, справедливость, свобода, авторитет, лояльность и чистота*.

Эксперимент 1

В первом эксперименте был использован метод факторных виньеток. Использовался внутрисубъектный экспериментальный план. Исследование проводилось с помощью онлайн-опроса.

Были использованы 4 внутрисубъектных фактора, каждый из которых использовался для конструирования виньеток. Эти 4 фактора были двухуровневыми.

1. *Направленность поступка на одного человека или на коллектив.* Исходя из важности объекта морального поведения для моральных оценок мы предполагали, что направленность поступка на одного человека/коллектив окажется важной для оценки моральной релевантности — поступки, направленные на коллектив, будут восприниматься как более морально релевантные. Это основано на идее, связанной с концепцией морали Э. Дюркгейма и на предположении о прогрупповом характере моральных поступков (Дюркгейм 2002).

2. *Вред или польза от поступка.* Поскольку эффект вреда или пользы от поступка является ключевым с точки зрения ряда философских и психологических концепций морали (см., например: Schein et al. 2017), а также поскольку вред и польза во многих нормативных оценках воспринимаются асимметрично (Кнобе 2003), предполагалось, что поступки, приносящие вред, будут трактоваться как более морально релевантные.

3. *Принадлежность действующего к ингруппе или аутгруппе.* Согласно теории моральных оснований принадлежность актора к ингруппе приводит к более строгой оценке трансгрессий (Bettache et al. 2019). Исходя из этого предполагалось, что она имеет отношение и к более высоким оценкам моральной релевантности и нормативности.

4. *Публичный или приватный характер поступка.* Предполагалось, что публичные поступки будут оцениваться как более морально релевантные, поскольку затрагивают взаимодействие с другими людьми. Это основано, в частности, на классификации моральных актов Сорокиным, предполагающей связь моральной релевантности с наличием и характеристиками реальной реакции на поступок (Сорокин 2006), а также на более современных работах, связанных с изучением непрямой реципрокности (Panchanathan, Boyd 2004).

Для получения информации о пяти базовых чертах личности был применен Короткий опросник Большой пятерки (B5–10). Он использовался для того, чтобы понять, влияют ли черты личности на оценку моральной релевантности ситуаций, что можно предполагать, поскольку многие эксперименты показали влияние различных черт личности на воспринимаемые моральный объективизм и моральный субъективизм (см., например: Folds-Bennett 2004). Опросник B5–10 состоит из десяти вопросов, каждый из которых кратко описывает человека через 2–3 характеристики личности, относящихся к одной из черт Большой пятерки. Участники оценивали свое сходство с каждым из десяти портретов по 6-балльной шкале. Сокращен-

ная версия была использована для того, чтобы уменьшить время заполнения и увеличить процент полных прохождений. Предполагалось, что с помощью этого опросника за минимальное время есть возможность получить ориентировочную оценку пяти черт личности: *экстраверсия*, *нейротизм*, *доброжелательность*, *сознательность*, *открытость опыту*. Исследования показывают, что сокращенная версия имеет удовлетворительные для коротких опросников тест-ретестовую надежность, согласованность, конвергентную и дивергентную валидность (Егорова, Паршикова 2016).

В эксперименте были три зависимые переменные: воспринимаемые **моральная релевантность** (вопрос «Можно ли оценить поступок N с моральной точки зрения?»), **нормативность** («Насколько правильным можно назвать поступок N?») и **универсальность** («Как Вы думаете, скольким людям стоит поступать так же?»). Для всех зависимых переменных предлагалась 7-балльная шкала ответа, с крайними вариантами для вопроса о моральной релевантности — от ответа «точно нельзя оценить» до ответа «точно можно оценить», для вопроса о нормативности — от «совершенно неправильным» до «совершенно правильным» и для вопроса об универсальности — от «никому не стоит» до «всем стоит». Если формулировки вопросов о воспринимаемых нормативности и универсальности суждений уже использовались в других исследованиях (Van Bavel et al. 2012), то не существует конвенционального инструментария для измерения моральной релевантности, в связи с чем решение об использовании именно такой формулировки принималось в результате пилотажа, который показал, что при проведении когнитивных интервью большая часть опрошенных демонстрирует адекватное понимание выбранной формулировки.

Исходя из этого были составлены 16 виньеток с описаниями ситуаций, в которых комбинировались все факторы (табл. 1).

Для примера приведем содержание одной из виньеток: *Семен — работник отдела продаж фирмы «Комплексная автоматизация», в котором, помимо него, трудится еще один работник — Глеб. В офисе имеется общая комната отдыха, в которой находится микроволновка, которую недавно купили вскладчину оба сотрудника отдела продаж. У Семена в офисе также есть его личная микроволновка той же модели, купленная им на собственные деньги. Однажды Семен обнаружил, что его микроволновка сломалась. Когда в комнате отдыха находился Глеб, Семен взял общую микроволновку и перенес ее в свой личный офис, для того чтобы использовать ее вместо сломавшейся, а сломавшуюся микроволновку отнес в комнату отдыха.*

В ходе эксперимента планировалось выявить, влияет ли каждый из факторов на оценку моральной релевантности, оценить возможное

Таблица 1

Экспериментальные факторы и их уровни

<i>Направленность поступка на одного человека или на коллектив</i>	
Уровень 1	В отделе трудится один сотрудник
Уровень 2	В отделе трудится 10 человек
<i>Вред или польза от поступка</i>	
Уровень 1	Н взял микроволновку и отнес в свой офис, чтобы пользоваться ею вместо сломавшейся, а сломавшуюся микроволновку отнес в общую комнату отдыха
Уровень 2	Н взял свою микроволновку из личного офиса и перенес ее в общую комнату отдыха, для того чтобы ее можно было использовать вместо сломавшейся, а сломавшуюся микроволновку отнес к себе в офис
<i>Принадлежность действующего к ингруппе или аутгруппе</i>	
Уровень 1	Н — работник отдела продаж фирмы «Комплексная автоматизация». В офисе имеется комната отдыха, в которой находится микроволновка, которую недавно купил сотрудник отдела продаж / купили вскладчину все сотрудники отдела продаж
Уровень 2	Н — работник отдела продаж фирмы «Комплексная автоматизация». В фирме также есть отдел маркетинга. В комнате отдыха отдела маркетинга находится микроволновка, которую недавно купил сотрудник отдела маркетинга / купили вскладчину все сотрудники отдела маркетинга
<i>Публичный или приватный характер поступка</i>	
Уровень 1	В комнате отдыха находились сотрудники/сотрудник
Уровень 2	В комнате отдыха никого не было

взаимодействие факторов, а также выяснить, влияют ли пять личностных характеристик на оценку моральной релевантности. Кроме того, предполагалось узнать, связана ли оценка моральной релевантности с оценкой нормативности и универсальности.

Исследование было проведено на доступной выборке, что типично для экспериментальных исследований, стремящихся обеспечить внутреннюю валидность в большей степени, чем внешнюю. Рекрутинг участников производился в социальной сети «ВКонтакте». Сначала принять участие

в исследовании предлагалось людям, которые были непосредственно известны автору, после этого к некоторым из них направлялась просьба разослать приглашение тем людям из их окружения, которые могли бы заинтересоваться в участии в исследовании. Кроме того, рекрутинг производился среди студентов факультета социологии одного из московских вузов (25 человек).

Результаты

На страницу онлайн-опроса перешло 402 человека, из которых 113 заполнили опросник до конца, что составляет 28 %. Эти данные были отсортированы и отобраны для анализа. Из 113 человек в исследовании приняла участие 38 (34 %) мужчин и 75 (66 %) женщин.

Ниже приведены средние значения и стандартные отклонения оценок виньеток по трем переменным: моральной релевантности, нормативности и универсальности (табл. 2–4).

Таблица 2

Средние значения и стандартные отклонения оценок виньеток (переменная «моральная релевантность»)

Фактор 3, Фактор 4	Фактор 1, Фактор 2			
	Один, Вред	Один, Помощь	Коллектив, Вред	Коллектив, Помощь
Ингруппа, Публичный	Среднее: 5,74 Ст. откл.: 1,908	5,76 1,749	5,90 1,894	5,65 1,812
Ингруппа, Приватный	5,97 1,849	5,93 1,539	6,00 1,832	6,05 1,563
Аутгруппа, Публичный	5,84 1,921	5,72 1,567	6,11 1,578	5,88 1,7
Аутгруппа, Приватный	6,09 1,781	5,73 1,733	5,95 1,931	5,90 1,711

Для того чтобы оценить наличие связи между переменными о воспринимаемых уровнях нормативности и универсальности, был подсчитан коэффициент корреляции Пирсона по средним значениям по всем виньеткам. Значимым оказался только коэффициент между оценками универсальности и нормативности (0,819, $p \leq 0,05$).

Таблица 3

**Средние значения и стандартные отклонения оценок виньеток
(переменная «нормативность»)**

Фактор 3, Фактор 4	Фактор 1, Фактор 2			
	Один, Вред	Один, Помощь	Коллектив, Вред	Коллектив, Помощь
Ингруппа, Публичный	Среднее: 1,56 Ст. откл.: 0,999	5,35 1,574	1,52 1,095	5,27 1,637
Ингруппа, Приватный	1,59 1,293	5,49 1,524	1,53 1,196	5,48 1,582
Аутгруппа, Публичный	1,78 1,545	5,19 1,546	1,52 1,173	5,26 1,673
Аутгруппа, Приватный	1,51 1,317	4,94 1,739	1,47 1,166	5,33 1,666

Таблица 4

**Средние значения и стандартные отклонения оценок виньеток
(переменная «универсальность»)**

Фактор 3, Фактор 4	Фактор 1, Фактор 2			
	Один, Вред	Один, Помощь	Коллектив, Вред	Коллектив, Помощь
Ингруппа, Публичный	Среднее: 1,42 Ст. откл.: 0,8	4,89 1,739	1,45 0,982	4,92 1,813
Ингруппа, Приватный	1,50 1,189	5,12 1,741	5,48 1,582	5,07 1,725
Аутгруппа, Публичный	1,69 1,389	4,83 1,652	1,54 1,282	5,00 1,727
Аутгруппа, Приватный	1,47 1,173	4,55 1,737	1,35 0,874	4,85 1,809

Кроме того, был подсчитан коэффициент корреляции Пирсона, для того чтобы оценить наличие связи между средними оценками воспринимаемых уровней моральной релевантности, нормативности и универсальности отдельно по виньеткам с каждым из уровней факторов. Для

каждой переменной и по каждому из факторов коэффициент корреляции Пирсона оказался высоким (не менее 0,75) для переменных нормативности и универсальности. Была выявлена небольшая значимая корреляция между нормативностью и моральной релевантностью для фактора «направленность поступка на коллектив», в то время как для фактора «направленность поступка на одного человека» связь отсутствует. Кроме того, для фактора «польза/вред» наблюдалась связь между переменными моральной релевантности и нормативности (как и универсальности), однако теснота связи ниже для виньетки с поступком, приносящим вред (универсальность и моральная релевантность $-0,213$, нормативность и моральная релевантность $-0,297$), чем для виньетки с поступком, приносящим пользу (универсальность и моральная релевантность $0,517$, нормативность и моральная релевантность $0,517$).

Для того чтобы определить главные эффекты факторов и эффекты от их взаимодействий для каждой из трех основных переменных, был проведен дисперсионный анализ с повторными измерениями.

В ходе анализа выяснилось, что для первой переменной, обозначающей моральную релевантность, только фактор приватности/публичности поступка обладает главным эффектом и оказал значимое воздействие: F-статистика=5,712 ($p \leq 0,05$, частичный эта-квадрат=0,049). Оцененные маргинальные средние — первый уровень (публичный поступок) = 5,83, второй уровень (приватный поступок) = 5,95 (рис. 1а).

Для первой переменной небольшой значимый эффект взаимодействия был обнаружен для факторов «направленность на одного/коллектив», «польза/вред» и «публичность/приватность» ($p \leq 0,05$, частичный эта-квадрат=0,038), а также для факторов «принадлежность к ингруппе/аутгруппе» и «публичность/приватность» ($p \leq 0,05$, частичный эта-квадрат=0,035) (рис. 1б–г).

Для переменной «воспринимаемая нормативность» только фактор вреда или пользы поступка обладает выраженным главным эффектом и оказал значимое воздействие на оценки. F-статистика=632,038 ($p \leq 0,05$, частичный эта-квадрат=0,849). Оцененные маргинальные средние для этого фактора: первый уровень (вред) = 1,56, второй уровень (польза) = 5,29. (рис. 2). Это предсказуемый результат, поскольку поступки, приносящие пользу, воспринимаются как гораздо более желательные, чем поступки, приносящие вред. Остальные факторы оказались незначимыми.

Для этой переменной статистически значимый эффект взаимодействия был обнаружен для факторов «ингруппа/аутгруппа» и «польза/вред» ($p \leq 0,05$, частичный эта-квадрат=0,055), факторов «направленность на одного/коллектив» и «вред/польза» и «ингруппа/аутгруппа» ($p \leq 0,05$,

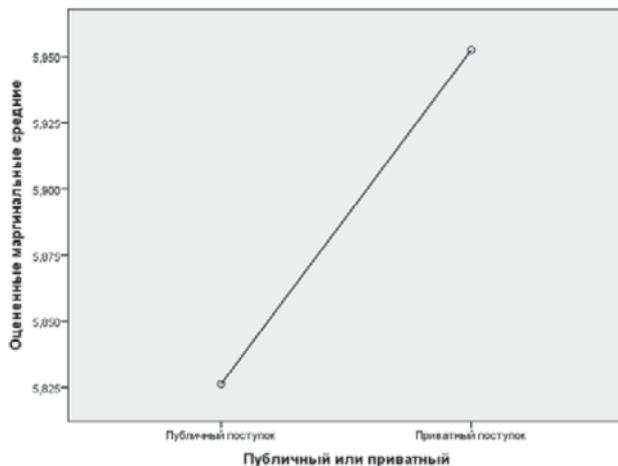

Рис. 1а. Оцененные маргинальные средние для фактора «публичность/приватность». Зависимая переменная — воспринимаемая моральная релевантность

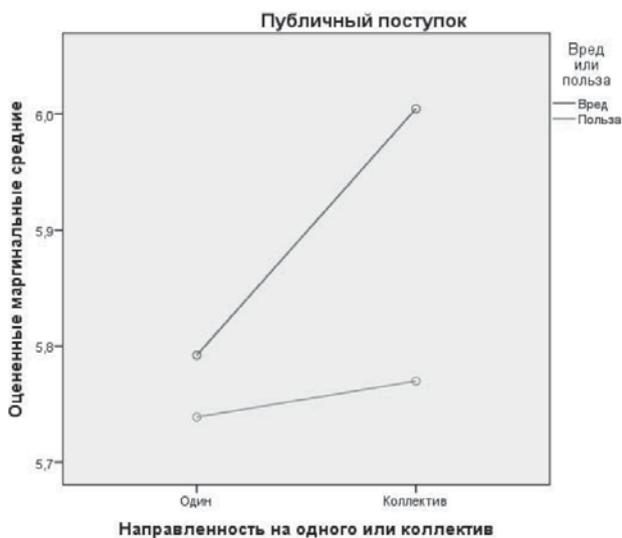

Рис. 1б. Оцененные маргинальные средние для взаимодействия факторов «направленность на одного/коллектив», «польза/вред» и «публичность/приватность» (уровень 1). Зависимая переменная — воспринимаемая моральная релевантность

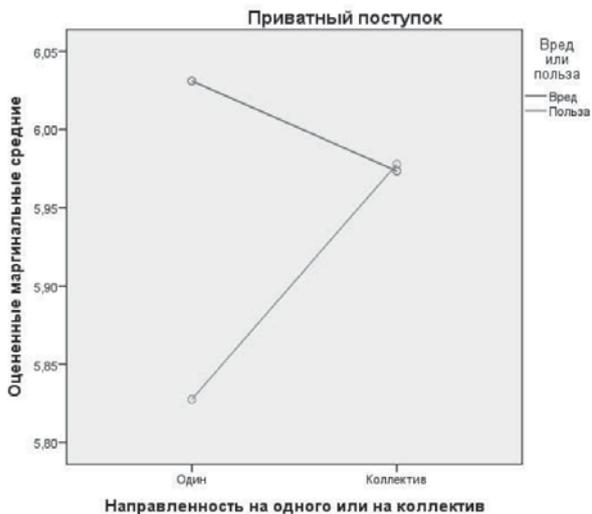

Рис. 1в. Оцененные маргинальные средние для взаимодействия факторов «направленность на одного/коллектив», «польза/вред» и «публичность/приватность» (уровень 2). Зависимая переменная — воспринимаемая моральная релевантность

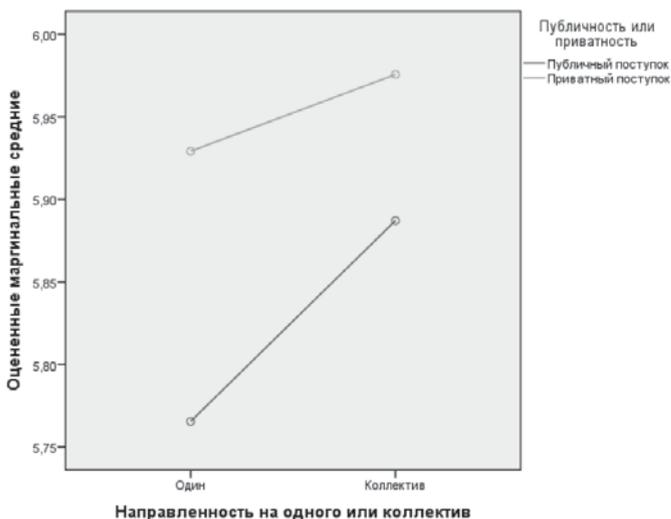

Рис. 1г. Оцененные маргинальные средние для взаимодействия факторов «направленность на одного/коллектив» и «публичность/приватность». Зависимая переменная — воспринимаемая моральная релевантность

частичный эта-квадрат=0,054), а также факторов «ингруппа/аутгруппа» и «публичность/приватность» ($p \leq 0,05$, частичный эта-квадрат=0,049) (рис. 26–д).

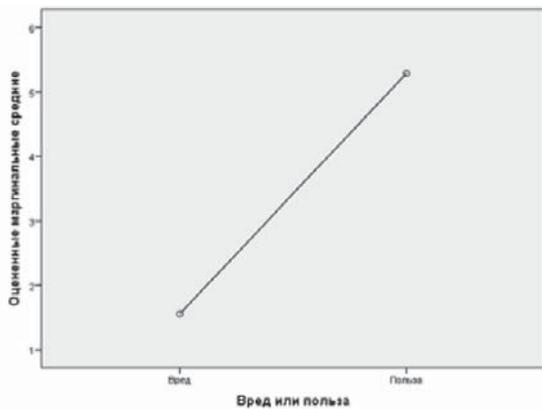

Рис. 2а. Оцененные маргинальные средние для фактора «польза/вред». Зависимая переменная — воспринимаемая нормативность

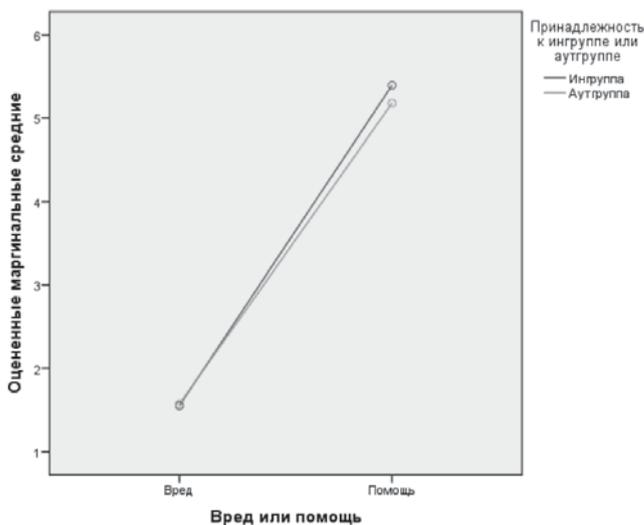

Рис. 2б. Оцененные маргинальные средние для взаимодействия факторов «ингруппа/аутгруппа» и «польза/вред». Зависимая переменная — воспринимаемая нормативность

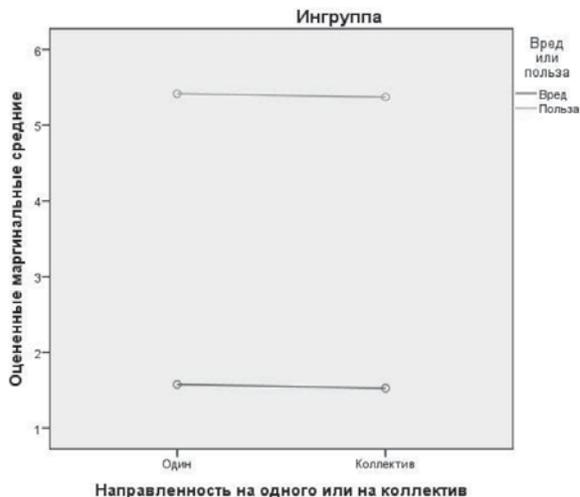

Рис. 2в. Оцененные маргинальные средние для взаимодействия факторов «направленность на одного/коллектив», «вред/польза» и «ингруппа/аутгруппа» (уровень 1).

Зависимая переменная — воспринимаемая нормативность

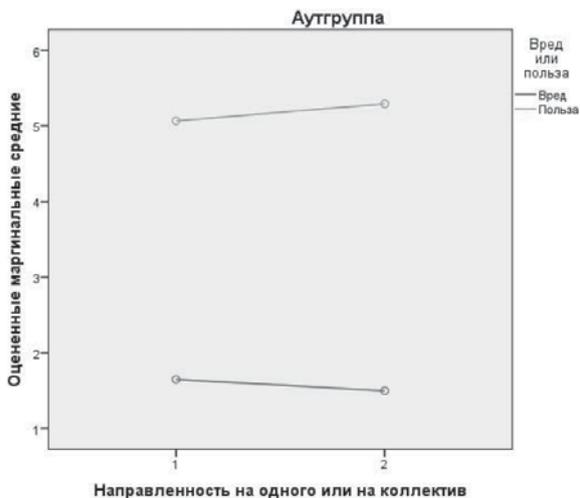

Рис. 2г. Оцененные маргинальные средние для взаимодействия факторов «направленность на одного/коллектив», «вред/польза» и «ингруппа/аутгруппа» (уровень 2).

Зависимая переменная — воспринимаемая нормативность

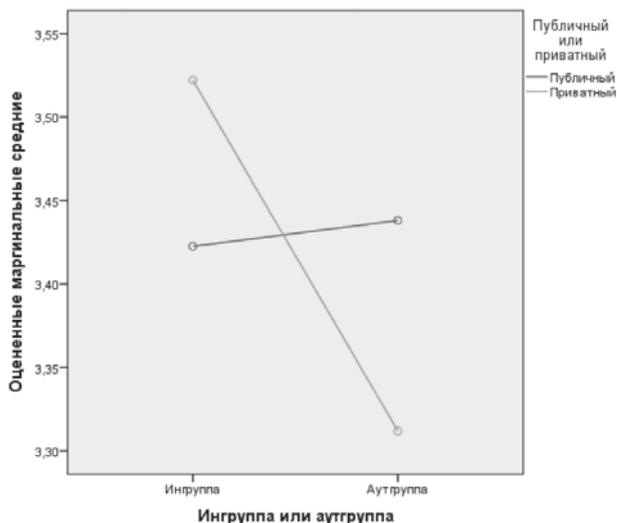

Рис. 2д. Оцененные маргинальные средние для взаимодействия факторов «ингруппа/аутгруппа» и «публичность/приватность».

Зависимая переменная — воспринимаемая нормативность

Для переменной «воспринимаемая универсальность» также только фактор вреда или пользы поступка обладает главным эффектом и оказал значимое воздействие на оценки. F-статистика=498,674 ($p \leq 0,05$, частичный эта-квадрат=0,817). Оцененные маргинальные средние для этого фактора: первый уровень (вред) = 1,48, второй уровень (польза) = 4,90 (рис. 3а).

Так же как и для предыдущей переменной, статистически значимый эффект взаимодействия был обнаружен для факторов «ингруппа/аутгруппа» и «польза/вред» ($p \leq 0,05$, частичный эта-квадрат=0,064), «направленность на одного/коллектив» и «вред/польза» и «ингруппа/аутгруппа» ($p \leq 0,05$, частичный эта-квадрат=0,046), а также «ингруппа/аутгруппа» и «публичность/приватность» ($p \leq 0,05$, частичный эта-квадрат=0,056) (рис. 3б–д).

Далее, для того чтобы выяснить, существует ли связь между показателями пятифакторного опросника личности и оценками моральной релевантности, использовался тест Спирмена.

Среди всех переменных только две связи между переменными соответствуют заданному уровню значимости (0,05): слабая отрицательная связь между нейротизмом и виньетками *направленность на одного человека, помощь, член аутгруппы, приватный поступок* (-0,280 2-ст. знач. 0,003)

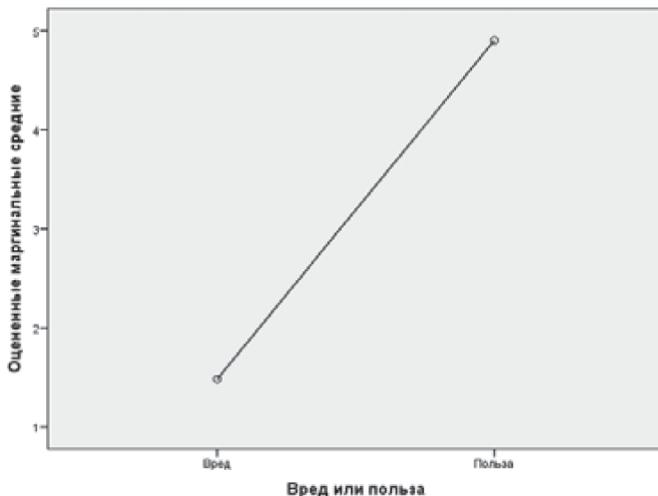

Рис. 3а. Оцененные маргинальные средние для фактора «польза/вред». Зависимая переменная — воспринимаемая универсальность

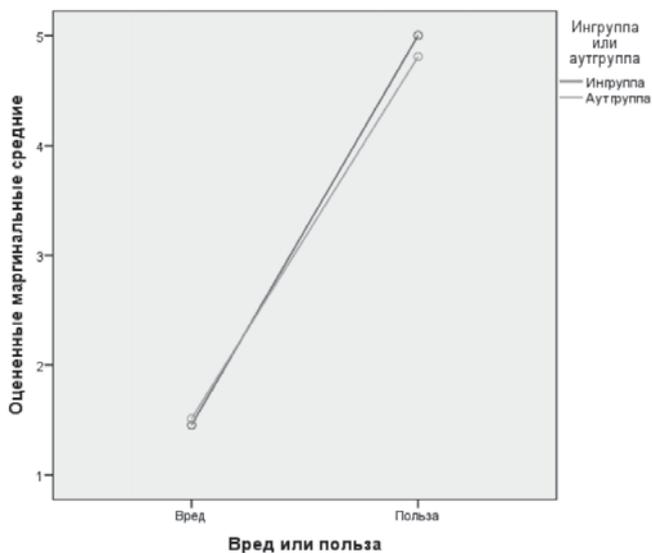

Рис. 3б. Оцененные маргинальные средние для взаимодействия факторов «ингруппа/аутгруппа» и «польза/вред». Зависимая переменная — воспринимаемая универсальность

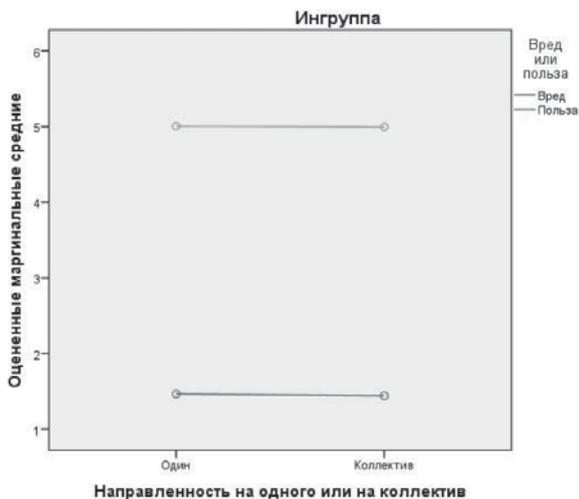

Рис. 3в. Оцененные маргинальные средние для взаимодействия факторов «направленность на одного/коллектив», «вред/польза» и «ингруппа/аутгруппа» (уровень 1).

Зависимая переменная — воспринимаемая универсальность

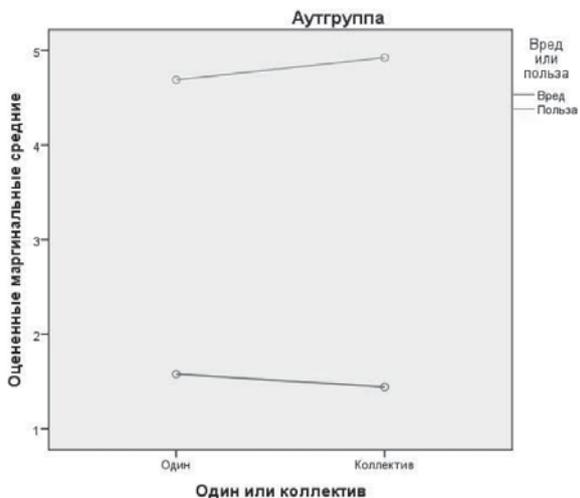

Рис. 3г. Оцененные маргинальные средние для взаимодействия факторов «направленность на одного/коллектив», «вред/польза» и «ингруппа/аутгруппа» (уровень 2).

Зависимая переменная — воспринимаемая универсальность

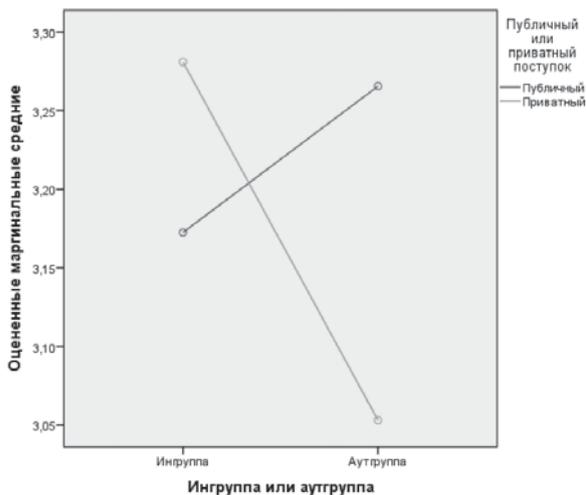

Рис. 3д. Оцененные маргинальные средние для взаимодействия факторов «ингруппа/аутгруппа» и «публичность/приватность».

Зависимая переменная — воспринимаемая универсальность

и направленность на коллектив, помощь, член аутгруппы, приватный поступок ($-0,277$ 2-ст. знач. $0,003$). Эти данные показывают, что оценка моральной релевантности помощи аутгруппе в приватной ситуации вне зависимости от направленности на индивида или коллектив может снижаться с ростом нейротизма респондента.

В результате первого эксперимента выяснилось, что для переменной «моральная релевантность» значимыми оказались фактор публичности/приватности поступка и несколько эффектов взаимодействия, в то время как для универсальности и нормативности значимыми оказались фактор пользы/вреда от поступка и несколько эффектов взаимодействия. В то время как показатели нормативности и универсальности тесно связаны друг с другом для всех факторов и всех виньеток, связь нормативности с моральной релевантностью и связь универсальности с моральной релевантностью существуют только для некоторых факторов и виньеток.

Эксперимент 2

Второй эксперимент проводился в рамках теории моральных оснований. Он был направлен на выявление того, насколько сценарии, предполагаемые в рамках теории моральных оснований морально релевантными, являются такими в восприятии участников.

Во втором эксперименте применялись разработанные Клиффордом и коллегами так называемые «виньетки моральных оснований» (Clifford et al. 2015), охватывающие широкий спектр сценариев, которые включают различные моральные основания — пять изначальных, а также основание «свобода». Каждая виньетка изображает наблюдаемое трансгрессивное поведение, связанное с одним из оснований. Общая шкала виньеток моральных оснований (Moral Foundations Vignettes — MFV) включает такие, как вред/забота, например виньетка «Вы видите женщину, которая вслух говорит, что девушка выглядит толстой в своих джинсах»; справедливость, например «Вы видите, как преподаватель ставит студенту неудовлетворительную оценку, только потому что студент ему не нравится»; свобода, например «Вы видите, как мужчина говорит своей девушке, что она должна перейти в его религию»; авторитет, например «Вы видите, как звезда футбольной команды игнорирует требование тренера подойти к скамейке во время игры»; преданность, например «Вы видите, как мужчина бросает семейный бизнес, чтобы пойти работать на основного конкурента»; а также чистота, например «Вы видите, как одинокий мужчина закачивает надувную секс-куклу, которая выглядит как его секретарша».

Двум независимым выборкам предлагались вопросы в одном случае о воспринимаемой моральной релевантности, в другом — о воспринимаемой нормативности. Предполагалось, что такой план позволит сократить время заполнения опросника и избежать раскрытия всех вопросов всем респондентам. Исследование проводилось с помощью онлайн-опроса.

Уровни воспринимаемой моральной релевантности, нормативности и универсальности оценивались по 7-балльной шкале: вопросы «Имеет ли этот поступок отношение к морали? (1 — поступок не имеет никакого отношения к морали, 7 — поступок затрагивает важный моральный вопрос)», «Насколько допустимым можно назвать этот поступок? (1 — поступок совершенно недопустимый, 7 — поступок абсолютно допустимый)» и «Как вы думаете, сколько людей согласились бы с вашей оценкой? (1 — абсолютное большинство не согласилось бы, 7 — абсолютное большинство согласилось бы)». Во втором эксперименте использовался другой вопрос, измеряющий воспринимаемую нормативность трансгрессии, поскольку специфика виньеток моральных оснований такова, что они включают только негативные трансгрессии, а вопрос «Насколько правильным можно назвать поступок?» был бы неуместным.

Отбор используемых виньеток производился случайным образом с помощью генератора случайных чисел (по 6 на основание) из списка 90 виньеток, рекомендованных Клиффордом и коллегами (Clifford et al. 2015), поскольку заполнение полного опросника требует слишком много

времени. Выбор шести суждений из каждого основания делался однократно при формировании анкеты, поскольку использование различных суждений для разных респондентов могло бы затруднить анализ данных, внося непредсказуемый эффект отдельных суждений. В итоге из 90 виньеток было отобрано 36 (по 6 на каждое из оснований), которые были использованы в качестве стимульного материала в данном исследовании. В опрос также входил вопрос-ловушка на внимание.

Для того чтобы понять, каким образом политические взгляды связаны с восприятием моральной релевантности и нормативности, использовалась разработанная нами шкала политического консерватизма. Краткий опросник состоял из восьми вопросов, каждый из которых содержит утверждение, относящееся к вопросам, относительно которых в обществе существуют разногласия. При подсчете часть оценок считались положительными, а часть — отрицательными. Участники оценивали степень согласия с каждым из утверждений по 7-балльной шкале, где 1 — «полностью не поддерживаю»; а 7 — «полностью поддерживаю».

Ниже приведен список суждений.

1. Тяжкие преступления, такие как умышленное убийство, должны караться смертной казнью. (+)

2. Неизлечимо больные люди должны иметь законный способ добровольно уйти из жизни. (-)

3. Аборты без медицинских показаний (например, болезни матери) должны быть запрещены. (+)

4. Однополые браки должны быть легализованы. (-)

5. Разводы без особых обстоятельств (например, насилие в семье) должны быть запрещены. (+)

6. В школах не должны преподавать основы религии. (-)

7. Для трудовых мигрантов должны быть введены жесткие квоты. (+)

8. Употребление марихуаны должно быть легализовано. (-)

Гипотезы состояли в том, что уровень консерватизма положительно связан с обыденным восприятием моральной релевантности ситуаций, относящихся к связующим моральным основаниям, но не связан с восприятием моральной релевантности вреда и справедливости, поскольку это предполагается в рамках теории моральных оснований. Кроме того, предполагалось, что восприятие уровня моральной релевантности трансгрессивных ситуаций связано с тем, к какому основанию относится ситуация, а обыденно воспринимаемая универсальность будет положительно связана с обыденно воспринимаемой моральной релевантностью.

Всем респондентам были представлены все винюетки, а также все вопросы шкалы политического консерватизма. Обыденно воспринимаемые

моральная релевантность и нормативность были зависимыми переменными, которые предъявлялись не всем респондентам — эксперимент включал две независимые выборки (отвечавшие на вопрос о нормативности и отвечавшие на вопрос о моральной релевантности). Кроме того, независимой переменной был уровень воспринимаемой универсальности ответов о нормативности и моральной релевантности, который измерялся у всех респондентов.

Исследование также было проведено на доступной выборке. Рекрутинг участников производился так же, как в первом эксперименте.

Результаты

На ссылку, случайным образом переправляющую респондента на один из двух опросов, нажали 312 человек. Из них 164 (87 и 77) участника заполнили опросник до конца, что составляет 53 %, а 91 % участников прошли вопрос-ловушку на внимание. Эти данные были отобраны для анализа. Из 164 человек в исследовании приняло участие 58 (35 %) мужчин и 106 (65 %) женщин.

Для того чтобы оценить наличие связи между переменными о воспринимаемых уровнях моральной релевантности и нормативности с универсальностью был подсчитан коэффициент корреляции Пирсона по средним значениям по всем виньеткам. Коэффициент между оценками моральной релевантности и универсальности оказался значимым (0,410, $p \leq 0,05$), как и коэффициент между оценками нормативности и универсальности ($-0,446$, $p \leq 0,05$).

Кроме того, был подсчитан коэффициент корреляции Пирсона, для того чтобы оценить наличие связи между средними оценками воспринимаемых уровней моральной релевантности и универсальности, а также нормативности и универсальности отдельно по виньеткам, относящимся к каждому из оснований. Что касается связи нормативности и универсальности, из значимых коэффициентов наименьшим оказался коэффициент корреляции между переменными «нормативность» и «универсальность» по основанию «чистота» ($-0,685$). Наибольшее значение коэффициента характерно для переменной «нормативность» между основаниями «вред» и «справедливость» (0,633), что, возможно, объясняется важностью их связи с точки зрения теории моральных оснований. Наибольшая связь оценок моральной релевантности существует между основаниями «лояльность» и «авторитет» (0,687).

Далее проведем сравнение средних значений оценок моральной релевантности и нормативности в целом и по каждому из оснований. Для этого применим непараметрический критерий U Манна-Уитни (табл. 6)

для сравнения средних значений двух независимых выборок — тех, кто отвечал на вопрос о воспринимаемой моральной релевантности, и тех, кто отвечал на вопрос о воспринимаемой нормативности. Применение именно этого непараметрического критерия выбрано в связи с тем, что распределение в каждой выборке не соответствует нормальному в соответствии с результатом теста Колмогорова-Смирнова.

Средние значения оценок воспринимаемой моральной релевантности и воспринимаемой нормативности значительно различаются как в общем среднем, так и по каждому из моральных оснований, кроме основания «авторитет», в котором оценки значительно различаются на уровне 0,90, но не на уровне 0,95. Исходя из этого можно предположить о том, что моральная релевантность и нормативность являются значимо разными конструктами (табл. 6–7).

Таблица 6

Статистики критерия Манна-Уитни

	Ср. знач. по всем осн.	вред	справедливость	свобода	авторитет	лояльность	чистота
U Манна-Уитни	1805,000	1643,000	1188,500	3355,000	3170,000	1738,000	1896,000
асимпт. знач.	,000	,000	,000	,018	,097	,000	,001

Таблица 7

Средние значения и стандартные отклонения моральной релевантности и нормативности

	Ср. знач. по всем осн.	вред	справедливость	свобода	авторитет	лояльность	чистота
Моральная релевантность (ср. знач. и ст. откл.)	4,08 (ст. откл. 0,99)	5,09 (1,32)	5,37 (1,23)	4,22 (1,25)	3,16 (1,46)	2,98 (1,30)	3,65 (1,50)
Нормативность (ср. знач.)	3,63 (0,70)	4,31 (1,03)	4,48 (0,61)	4,68 (0,99)	3,39 (0,93)	2,12 (1,12)	2,80 (1,52)

По основаниям «вред», «справедливость», «лояльность» и «чистота» значение воспринимаемой моральной релевантности выше, чем значение воспринимаемой нормативности, т.е. трансгрессии по этим основаниям воспринимаются как в большей степени относящиеся к морали, но более допустимые. Самая большая разница между средними значениями моральной релевантности и нормативности (0,89) наблюдается по основанию «справедливость». Среднее значение воспринимаемой нормативности по основанию «свобода» выше, чем среднее значение воспринимаемой моральной релевантности, что может говорить о том, что трансгрессии, описанные в соответствующих сценариях, воспринимаются как недопустимые, но относящиеся к нормативности другого рода, при этом менее морально релевантные. Интересно, что средние значения моральной релевантности по так называемым индивидуальным моральным основаниям («вред» и «справедливость») превышают 5 баллов, при том, что оценки по связующим моральным основаниям не превышают 4,5 балла, самая низкая средняя оценка — по основанию «лояльность» — 2,98 балла.

Коэффициент альфа Кронбаха для шкалы политического консерватизма равен 0,79, что является достаточным значением для использования. Что касается связи между средними значениями воспринимаемых моральной релевантности и универсальности ответов о моральной релевантности с консерватизмом, то значимой оказалась небольшая корреляция между баллами по шкале консерватизма и средним значением оценок моральной релевантности по основанию «чистота» — значение 0,247, двухст. знач. 0,034, что соотносится с теорией моральных оснований.

Что касается связи между средними значениями воспринимаемых нормативности и универсальности ответов о нормативности по различным основаниям с консерватизмом, то значимой оказалась сразу несколько корреляций — с основанием «авторитет» (значение $-0,370$, двухст. знач. 0,001), с основанием «лояльность» (значение $-0,415$, двухст. знач. 0,000) и «чистота» (значение $-0,286$, двухст. знач. 0,013). Что касается корреляции между средними значениями воспринимаемых моральной релевантности и универсальности ответов о моральной релевантности с консерватизмом, значимой оказалась небольшая корреляция между баллами по шкале консерватизма и средним значением оценок по основанию «чистота» (значение 0,247, двухст. знач. 0,034).

Общее обсуждение

Большое количество современных работ, посвященных морали, опираются на использование текстовых сценариев, предположительно имеющих отношение к морали. Очень часто моральная релевантность исполь-

зуемых сценариев не проверяется. Тем не менее многие работы, включая нашу, показывают, что моральная релевантность, во-первых, отличается от других видов нормативности, а во-вторых, может быть переменной.

Результаты первого эксперимента показывают, что для моральной релевантности значимым оказался фактор публичности/приватности поступка (публичные поступки воспринимаются как менее морально релевантные, чем приватные). Возможно, это соотносится с теорией морального развития, согласно которой в случае моральных поступков влияние наблюдателя сведено к минимуму. Можно также предположить, что в глазах испытуемых публичные поступки предполагают репутационный интерес актора, а более моральными выглядят те действия, которые реципрокностью и эгоистическими интересами действующего объяснить нельзя. Для универсальности и нормативности значимым стал фактор пользы или вреда от поступка. В то время как показатели нормативности и универсальности оказались тесно связаны друг с другом, связь нормативности с моральной релевантностью и связь универсальности с моральной релевантностью существует только для некоторых факторов и не для всех виньеток. Это не совсем соотносится с теорией морального развития, утверждающей моральный универсализм и конвенциональный релятивизм. Было выявлено, что существует связь некоторых личностных характеристик с воспринимаемой моральной релевантностью.

Исходя из второго эксперимента можно предположить, что моральная релевантность и нормативность являются значимо разными конструктами с точки зрения обыденных оценок, что позволяет предположить, что теория моральных оснований не всегда имеет дело именно с морально релевантными переменными. Так, средние значения моральной релевантности по индивидуальным моральным основаниям выше, чем оценки по связующим моральным основаниям. Это подтверждает предположение о том, что различные моральные основания не просто в разной степени выражены, а воспринимаются как в разной степени морально релевантные.

Значимой оказалась небольшая корреляция между баллами по шкале консерватизма и средним значением оценок моральной релевантности по основанию «чистота». Эти результаты позволяют предположить, что по крайней мере в некоторой степени теория моральных оснований релевантна при исследовании не только собственно предполагаемый моральных суждений, но и моральной релевантности. Другими были результаты исследования наличия связи между средними значениями воспринимаемых нормативности и универсальности ответов о нормативности по различным основаниям с консерватизмом. Эти данные показывают, что политические консерваторы, по крайней мере иногда, более

мягко, а не более строго оценивают предположительные моральные трансгрессии в основаниях «авторитет», «доляльность» и «чистота». Эти данные не соотносятся с такими, какие обычно получают исследователи в рамках теории моральных оснований. Таким образом, необходимо дальнейшее изучение связи политического консерватизма и моральной релевантности различных трансгрессий.

Ограничения исследования

Данное исследование обладает рядом ограничений. Так, оба эксперимента выполнены на доступной выборке, что имеет свои недостатки. Представляются необходимыми дальнейшие исследования, выполненные на вариативных в социально-демографическом плане выборках.

В результате первого эксперимента было выявлено, что фактор публичности-приватности поступка оказался значимым в оценке его моральной релевантности, однако все остальные факторы оказались не значимы. Это может свидетельствовать о том, что на восприятие моральной релевантности могут влиять не зафиксированные нами факторы. Кроме того, можно предположить влияние специфики используемого в виньетках сценария и эффект инструментария в целом.

В первом эксперименте для респондентов оказалось затруднительным читать большое количество достаточно длинных виньеток. С этим был связан выбор не предъявлять всем респондентов всех вопросов во втором эксперименте, а также вопросов-ловушек, которые позволили контролировать внимательность при заполнении опросника. Возможно, эта проблема также частично сохранилась и во втором эксперименте в связи с большим объемом виньеток моральных оснований.

Использование в первом эксперименте сильно сокращенной (10 вопросов) шкалы «Большой пятерки» также представляется ограничением исследования. Было бы полезным в дальнейшем включить более подробную шкалу с большим уровнем надежности и валидности.

Можно считать, что использованный во втором эксперименте стимульный материал оказался достаточно интересным, а решение использовать экспериментальный план, включающий две независимые выборки, было обоснованным. Тем не менее большое количество испытуемых после прохождения опросника отмечали (в конце опросника было поле для комментариев), что им не хватает контекста для того, чтобы ответить на вопрос о той или иной описанной в виньетках трансгрессии. Кроме того, некоторые реалии, описанные в виньетках, оказались не приспособлены к представлениям респондентов. Это ставит вопрос об эквивалентности шкалы виньеток моральных оснований и об ограничениях сравнения

результатов с результатами, полученными в других странах и на других языках. Так, формулировки, использованные нами, разрабатывались в ходе пилотажа и не имеют пока достаточного количества проведенных исследований, чтобы говорить об их однозначно хорошем качестве.

Литература

Девятко И. Ф. (2011) В сторону справедливости: экспериментальное исследование взаимосвязи между дескриптивным обыденным знанием и восприятием дистрибутивной справедливости. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(2): 139–163.

Девятко И. Ф., Абрамов Р. Н., Катерный И. В. (ред.) (2015) *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации*. М.: Прогресс-Традиция.

Дюркгейм Э. (2002) Определение морального факта Баньковская С. П. (ред.) *Теоретическая социология: антология: в 2 ч*. М.: Книжный дом «Университет», 1: 25–69.

Егорова М.С., Паршикова О.В. (2016) Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5–10). *Психологические исследования*, 9(45): 9.

Калинин Р. Г., Девятко И. Ф. (2019) Кто заплатит за водопровод: социальный контекст восприятия дистрибутивной справедливости. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 150 (2): 95—114.

Михайлова О. Р. (2019) Когда оскорбление воспринимается как шутка? Персональные и ситуативные факторы отключения моральной ответственности свидетеля кибербуллинга. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(2): 55–92.

Пиаже Ж. (2006) *Моральное суждение у ребенка*. М.: Академический Проект.

Сорокин П. А. (2006) *Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали*. М.: Астрель.

Alfano M. (2017) Christoph Luetge, Hannes Rusch, & Matthias Uhl (eds.), *Experimental Ethics: Toward an Empirical Moral Philosophy*. *Ethical Theory and Moral Practice*, 20(2): 185–188.

Beebe J., Qiaoan R., Wysocki T., Endara M. A. (2015) Moral objectivism in cross-cultural perspective. *Journal of Cognition and Culture*, 15(3–4): 386–401.

Bettache K., Hamamura T., Idrissi J. A., Amenyo R. G. J., Chiu Ch. (2019) Monitoring Moral Virtue: When the Moral Transgressions of In-Group Members Are Judged More Severely. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 50(2): 268–284.

Blasi A. (2005) What Should Count as Moral Behavior? The Nature of “Early Morality” in Children’s Development. In: Edelman W., Nunner-Winkler G. (eds.) *Morality in Context, Volume 137 1st Edition. Advances in Psychology*. Oxford: Elsevier: 119–140.

Bykov A. (2019) Rediscovering the Moral: The 'Old' and 'New' Sociology of Morality in the Context of the Behavioural Sciences. *Sociology*, 53(1): 192–207.

Casebeer W. D. (2005) *Natural Ethical Facts: Evolution, Connectionism, and Moral Cognition. Revised edition.* Cambridge, MA.: A Bradford Book, 2005.

Clark J.W., Dawson L.E. (1996) Personal religiousness and ethical judgements: An empirical analysis. *Journal of Business Ethics*, 15(3): 359–372.

Clifford S., Iyengar V., Cabeza R., Sinnott-Armstrong W. (2015) Moral foundations vignettes: a standardized stimulus database of scenarios based on moral foundations theory. *Behavior Research Methods*, 47(4): 1178–1198.

Cushman, F., Young, L. (2009). The Psychology of Dilemmas and the Philosophy of Morality. *Ethical Theory and Moral Practice*, 12(1): 9–24.

Ellemers N., van der Toorn J., Paunov Y., van Leeuwen Th. (2019) The Psychology of Morality: A Review and Analysis of Empirical Studies Published From 1940 Through 2017. *Personality and Social Psychology Review*, 23(4): 7.

Gabennesch H. (1990) The Perception of Social Conventionality by Children and Adults. *Child Development*, 61(6): 2047–2059.

Gert B. (1998) *Morality: Its Nature and Justification.* Oxford: Oxford University Press.

Gibbs J. C. (2013) *Moral development and reality: Beyond the theories of Kohlberg, Hoffman, and Haidt.* Oxford: Oxford University Press.

Goodwin G. P., Darley J. M. (2010) The perceived objectivity of ethical beliefs: Psychological findings and implications for public policy. *Review of Philosophy and Psychology*, 1(2): 161–188.

Goodwin G.P., Darley J.M. (2008) The psychology of meta-ethics: Exploring objectivism. *Cognition*, 106(3): 1339–1366.

Goodwin G.P., Darley J.M. (2012) Why are some moral beliefs perceived to be more objective than others? *Journal of Experimental Social Psychology*, 48(1): 250–256.

Graham J., Haidt J. (2010) Beyond Beliefs: Religions Bind Individuals Into Moral Communities. *Personality and Social Psychology Review*, 14(1): 140–150.

Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S. P., Ditto P. H. (2013) Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism. *Advances in Experimental Social Psychology*, 47: 55–130.

Graham J., Nosek B. A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P. H. (2008) Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(2): 366–385.

Graham J., Waytz A., Meindl P., Iyer R., Young L. (2017) Centripetal and centrifugal forces in the moral circle: Competing constraints on moral learning. *Cognition*, 167: 58–65.

Haidt J., Graham J. (2007) When morality opposes justice: Conservatives have moral intuitions that liberals may not recognize. *Social Justice Research*, 20(1): 98–116.

Henrich J., Heine S.J., Norenzayan A. (2010) The weirdest people in the world? *Behavioral and brain sciences*, 33(2–3): 61–83; 83–135.

Hitlin S., Vaisey S. (2013) The New Sociology of Morality *Annual Review of Sociology*, 39(1): 51–68.

Jampol, N. S., Richardson, C. B., & Killen, M. (2010). Reasoning, moral and social. In: Peterson P., Baker E., McGaw B. (eds.) *International Encyclopedia of Education*. Oxford: 279–284.

Katz L.D. (2000) *Evolutionary Origins of Morality: Cross-disciplinary Perspectives*. Bowling Green, OH: Imprint Academic.

Keil F. C. The Feasibility of Folk Science. *Cognitive science*, 34(5): 826–862.

Killen M. (2007) Children's Social and Moral Reasoning About Exclusion. *Current Directions in Psychological Science*, 16(1): 32–36.

Knobe J. (2003) Intentional Action and Side Effects in Ordinary Language. *Analysis*, 63(3): 190–194.

Knobe J., Buckwalter W., Nichols Sh., Robbins Ph., Sarkissian H., Sommers T. (2012) Experimental philosophy. *Annual Review of Psychology*, 63: 81–99.

Kohlberg L., Hersh R. H. (1977) Moral development: A review of the theory. *Theory into practice*, 16(2): 53–59.

Leelakulthanit O., Vitell S.J., Singhapakdi A. (1994) A Cross-cultural Study of Moral Philosophies, Ethical Perceptions and Judgements: A Comparison of American and Thai Marketers. *International Marketing Review*, 11(6): 65–78.

Lütge C., Rusch H., Uhl M. (2014) *Experimental Ethics: Toward an Empirical Moral Philosophy*. NY: Springer.

Mahalingam R. (2007) Essentialism, Power, and the Representation of Social Categories: A Folk Sociology Perspective. *Human Development*, 50(6): 300–319.

Mattingly Ch., Throop, J. (2018) The Anthropology of Ethics and Morality. *Annual Review of Anthropology*, 47(1): 475–492.

Moshman D. (2005) *Adolescent psychological development: Rationality, morality, and identity*. Mahwah, NJ: Psychology Press.

Nichols S., Folds-Bennett T. (2003) Are children moral objectivists? Children's judgments about moral and response-dependent properties. *Cognition*, 90(2): B23–B32.

Panchanathan K., Boyd R. (2004) Indirect reciprocity can stabilize cooperation without the second-order free rider problem. *Nature*, 432(7016): 499–502.

Schein Ch., Gray K. (2017) The Theory of Dyadic Morality: Reinventing Moral Judgment by Redefining Harm. *Personality and Social Psychology Review*, 22(1): 32–70.

Schulz E., Cokely E.T., Feltz A. (2011) Persistent bias in expert judgments about free will and moral responsibility: A test of the expertise defense. *Consciousness and Cognition*, 20(4): 1722–1731.

Shepard J., O'Grady A. (2017) What kinds of alternative possibilities are required of the folk concept(s) of choice? *Consciousness and Cognition*, 48: 138–148.

Turiel E. (1983) *The Development of Social Knowledge: Morality and Convention*. Cambridge: Cambridge University Press.

Van Bavel J. J., Packer D. J., Haas I. J., Cunningham W. A. (2012) The Importance of Moral Construal: Moral versus Non-Moral Construal Elicits Faster, More Extreme, Universal Evaluations of the Same Actions *PLoS ONE*, 7(11): e48693.

FACTORS OF ORDINARY PERCEPTION OF MORAL RELEVANCE OF SOCIAL NORMS

Svetlana Naryan
(snaryan@hse.ru)

Higher School of Economics, Moscow, Russia

Citation: Naryan S. (2020) Faktory obydenogo vospriyatiya moral'noy relevantnosti sotsial'nykh norm [Factors of ordinary perception of moral relevance of social norms]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(1): 159–197 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.1.6>

Abstract. While studying moral judgments is a popular theme of research in the interdisciplinary science of morality, there is little evidence that the judgments that are commonly used in experiments reflect the moral domain as such and not other possible forms of normativity. In order to advance our understanding of the moral domain, this research focuses on the factors that influence ordinary perceptions of norms and situations as morally relevant. In this article, I report the results of two experiments that were based on evaluating hypothetical scenarios. In Experiment 1, the model consisted of three dependent variables: perceived moral relevance, normativity and universality. Independent variables included four factors potentially associated with moral relevance and a ten-questions version of the Big 5 personality test as a possible within-subject predictor. The results of Experiment 1 demonstrate that when an action is performed in a private (as opposed to public) context it is perceived as more morally relevant. It was also found that perceived normativity was correlated with perceived universality, and for these variables it is significant whether an action is harmful or helpful. In Experiment 2 the model also included assessments of moral relevance and normativity, as well as perceived universality of these assessments as the dependent variables. The independent variables were the six moral foundations on which the assessed scenarios were based, as well as the scale of political conservatism as the within-subject factor. As a result, it was found that the average values of perceived moral relevance and perceived normativity are significantly different both in the overall average value and for each of the moral foundations. These findings are discussed in terms of their contribution to both empirical studies of morality and theoretical understanding of moral norms in the social sciences.

Keywords: morality, moral relevance, moral foundations theory, MFT, moral foundations vignettes, MFV, factor experiment.

References

- Alfano M. (2017) Christoph Luetge, Hannes Rusch, & Matthias Uhl (eds.), Experimental Ethics: Toward an Empirical Moral Philosophy. *Ethical Theory and Moral Practice*, 20(2):185–188.
- Beebe J., Qiaoan R., Wysocki T., Endara M. A. (2015) Moral objectivism in cross-cultural perspective. *Journal of Cognition and Culture*, 15(3–4): 386–401.
- Bettache K., Hamamura T., Idrissi J. A., Amenogbo R. G. J., Chiu Ch.(2019) Monitoring Moral Virtue: When the Moral Transgressions of In-Group Members Are Judged More Severely. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 50(2): 268–284.
- Blasi A. (2005) What Should Count as Moral Behavior? The Nature of “Early Morality” in Children’s Development. In: Edelstein W., Nunner-Winkler G. (eds.) *Morality in Context, Volume 137 1st Edition. Advances in Psychology*. Oxford: Elsevier: 119–140.
- Bykov A. (2019) Rediscovering the Moral: The ‘Old’ and ‘New’ Sociology of Morality in the Context of the Behavioural Sciences. *Sociology*, 53(1): 192–207.
- Casebeer W. D. (2005) *Natural Ethical Facts: Evolution, Connectionism, and Moral Cognition. Revised edition*. Cambridge, MA: A Bradford Book, 2005.
- Clark J.W., Dawson L.E. (1996) Personal religiousness and ethical judgements: An empirical analysis. *Journal of Business Ethics*, 15(3): 359–372.
- Clifford S., Iyengar V., Cabeza R., Sinnott-Armstrong W. (2015) Moral foundations vignettes: a standardized stimulus database of scenarios based on moral foundations theory. *Behavior Research Methods*, 47(4): 1178–1198.
- Cushman, F., Young, L. (2009). The Psychology of Dilemmas and the Philosophy of Morality. *Ethical Theory and Moral Practice*, 12(1): 9–24.
- Ellemers N., van der Toorn J., Paunov Y., van Leeuwen Th. (2019) The Psychology of Morality: A Review and Analysis of Empirical Studies Published From 1940 Through 2017. *Personality and Social Psychology Review*, 23(4): 7.
- Gabennesch H. (1990) The Perception of Social Conventionality by Children and Adults. *Child Development*, 61(6): 2047–2059.
- Gert B. (1998) *Morality: Its Nature and Justification*. Oxford: Oxford University Press.
- Gibbs J. C. (2013) *Moral development and reality: Beyond the theories of Kohlberg, Hoffman, and Haidt*. Oxford: Oxford University Press.
- Goodwin G. P., Darley J. M. (2010) The perceived objectivity of ethical beliefs: Psychological findings and implications for public policy. *Review of Philosophy and Psychology*, 1(2): 161–188.
- Goodwin G.P., Darley J.M. (2008) The psychology of meta-ethics: Exploring objectivism. *Cognition*, 106(3): 1339–1366.
- Goodwin G.P., Darley J.M. (2012) Why are some moral beliefs perceived to be more objective than others? *Journal of Experimental Social Psychology*, 48(1): 250–256.
- Graham J., Haidt J. (2010) Beyond Beliefs: Religions Bind Individuals Into Moral Communities. *Personality and Social Psychology Review*, 14(1): 140–150.
- Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S. P., Ditto P. H. (2013) Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism. *Advances in Experimental Social Psychology*, 47: 55–130.
- Graham J., Nosek B. A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P. H. (2008) Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(2): 366–385.

- Graham J., Waytz A., Meindl P., Iyer R., Young L. (2017) Centripetal and centrifugal forces in the moral circle: Competing constraints on moral learning. *Cognition*, 167: 58–65.
- Haidt J., Graham J. (2007) When morality opposes justice: Conservatives have moral intuitions that liberals may not recognize. *Social Justice Research*, 20(1): 98–116.
- Henrich J., Heine S.J., Norenzayan A. (2010) The weirdest people in the world? *Behavioral and brain sciences*, 33(2–3): 61–83; 83–135.
- Hitlin S., Vaisey S. (2013) The New Sociology of Morality *Annual Review of Sociology*. 39(1): 51–68.
- Jampol N. S., Richardson C. B., Killen M. (2010). Reasoning, moral and social. In: Peterson P., Baker E., McGaw B. (eds.) *International Encyclopedia of Education*. Oxford: 279–284.
- Katz L.D. (2000) *Evolutionary Origins of Morality: Cross-disciplinary Perspectives*. Bowling Green, OH: Imprint Academic.
- Keil F. C. The Feasibility of Folk Science. *Cognitive science*, 34(5): 826–862.
- Killen M. (2007) Children's Social and Moral Reasoning About Exclusion. *Current Directions in Psychological Science*, 16(1): 32–36.
- Knobe J. (2003) Intentional Action and Side Effects in Ordinary Language. *Analysis*, 63(3): 190–194.
- Knobe J., Buckwalter W., Nichols Sh., Robbins Ph., Sarkissian H., Sommers T. (2012) Experimental philosophy. *Annual Review of Psychology*, 63: 81–99.
- Kohlberg L., Hersh R. H. (1977) Moral development: A review of the theory. *Theory into practice*, 16(2): 53–59.
- Leelakulthanit O., Vitell S.J., Singhapakdi A. (1994) A Cross-cultural Study of Moral Philosophies, Ethical Perceptions and Judgements: A Comparison of American and Thai Marketers. *International Marketing Review*, 11(6): 65–78.
- Lütge C., Rusch H., Uhl M. (2014) *Experimental Ethics: Toward an Empirical Moral Philosophy*. New York: Springer.
- Mahalingam R. (2007) Essentialism, Power, and the Representation of Social Categories: A Folk Sociology Perspective. *Human Development*, 50(6): 300–319.
- Mattingly Ch., Throop, J. (2018) The Anthropology of Ethics and Morality. *Annual Review of Anthropology*, 47(1): 475–492.
- Moshman D. (2005) *Adolescent psychological development: Rationality, morality, and identity*. Mahwah, NJ: Psychology Press.
- Nichols S., Folds-Bennett T. (2003) Are children moral objectivists? Children's judgments about moral and response-dependent properties. *Cognition*, 90(2): B23–B32.
- Panchanathan K., Boyd R. (2004) Indirect reciprocity can stabilize cooperation without the second-order free rider problem. *Nature*, 432(7016): 499–502.
- Schein Ch., Gray K. (2017) The Theory of Dyadic Morality: Reinventing Moral Judgment by Redefining Harm. *Personality and Social Psychology Review*, 22(1): 32–70.
- Schulz E., Cokely E.T., Feltz A. (2011) Persistent bias in expert judgments about free will and moral responsibility: A test of the expertise defense. *Consciousness and Cognition*, 20(4): 1722–1731.
- Shepard J., O'Grady A. (2017) What kinds of alternative possibilities are required of the folk concept(s) of choice? *Consciousness and Cognition*, 48: 138–148.

Turiel E. (1983) *The Development of Social Knowledge: Morality and Convention*. Cambridge: Cambridge University Press.

Van Bavel J. J., Packer D. J., Haas I. J., Cunningham W. A. (2012) The Importance of Moral Construal: Moral versus Non-Moral Construal Elicits Faster, More Extreme, Universal Evaluations of the Same Actions *PLoS ONE*, 7(11): e48693.

Devyatko I. F. (2011) V storonu spravedlivosti: eksperimental'noye issledovaniye vzaimosvyazi mezhdu deskriptivnym obydenным знанием i vospriyatием distributivnoy spravedlivosti [Toward justice: an experimental study of the relationship between descriptive everyday knowledge and perceptions of distributive justice]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 14(2): 139–163 (in Russian).

Devyatko I. F., Abramov R. N., Katernyy I. V. (eds.) (2015) *Obydennoye i nauchnoye znaniye ob obshchestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguratsii* [Everyday and scientific knowledge about society: mutual influences and reconfiguration]. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Dyurkgeym E. (2002) Opredeleniye moral'nogo fakta [Definition of a moral fact] Ban'kovskaya S. P. (eds.) *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya: V 2 ch.* [Theoretical Sociology: Anthology: In 2 parts]. Moscow: Knizhnyy dom «Universitet», 1: 25–69 (In Russian).

Yegorova M.S., Parshikova O.V. (2016) Psikhometricheskiye kharakteristiki Korotkogo portretnogo oprosnika Bol'shoy pyaterki (B5–10) [Psychometric characteristics of the Short Portrait Questionnaire of the Big Five (B5–10)]. *Psikhologicheskiye issledovaniya* [Psychological Studies], 9 (45): 9 (in Russian).

Kalinin R. G., Devyatko I. F. (2019) Kto zaplatit za vodoprovod: sotsial'nyy kontekst vospriyatiya distributivnoy spravedlivosti [Who will pay for the water supply: the social context of the perception of distributive justice]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes journal], 150 (2): 95–114 (in Russian).

Mikhailova O. (2019) Kogda oskorbleniye vosprinimayetsa kak shutka? Personalnyye i situativnyye factory otklyucheniya moralnoy otvetstvennosti svidetelya kiberbullinga [When insult is interpreted as a joke? Personal and situational factors of cyberbullying bystander moral disengagement]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(2): 55–92 (in Russian).

Piazhe Zh. (2006) *Moral'noye suzhdeniye u rebenka*. [The Moral Judgement of the Child]. Moscow: Akademicheskii Proyekt (in Russian).

Sorokin P. A. (2006) *Prestupleniye i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskyy etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali*. [Crime and Punishment: Service and Reward]. Moscow: Astrel' (in Russian).